

УДК 001:165.9

ЛЖЕНАУКА В СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИОННОЙ СИСТЕМЕ НЕФОРМАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

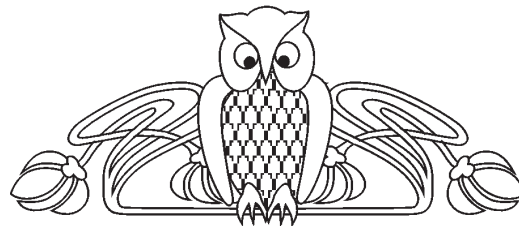
Тихонова Софья Владимировна – доктор философских наук, профессор кафедры социальных коммуникаций, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: segedasv@yandex.ru

Статья посвящена современным коммуникационным условиям распространения неформального знания. По мнению автора, включение гражданской экспертизы в практики трансдисциплинарной науки приводит к тому, что судьба науки попадает в зависимость от качества компетентности гражданских экспертов, например, блогеров. Последняя формируется на основе общегражданской дискуссии, разворачивающейся в социальных сетях. Ядром компетентности гражданских экспертов являются навыки ориентирования в коммуникационных потоках и использования лингвистических средств для самопрезентации. Субъективность является ключевой характеристикой сетевого контента и одновременно инструментом управления эстетическими, эмоционально окрашенными, откликами реципиентов. Рассматривается научное формальное знание как один из типов знания и показывается, что его связь с формой выражения – письменной (текстовой) формой, отличающейся специфическим стилем и жанрами, а также специализированной сетью периодики и книгоиздания затрудняет его распространение в среде социальных сетей и снижает конкурентоспособность, по сравнению с лженаукой. Лженаука, активно апеллирующая к эмоциям, пренебрегающая информированием ради убеждения, быстро адаптируется к среде сетевого неформального знания и активно в ней распространяется. Итогом становится сближение гражданско-экспертного и лженаучного дискурса в социальных сетях, снижающее компетентность гражданских экспертов.

Ключевые слова: неформальное знание, научное знание, лженаука, наука, социальные сети, трансдисциплинарность, гражданская экспертиза.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-3-416-420

Лженаука как феномен общественного знания демонстрирует удивительную жизнеспособность. Активно встраиваясь в общественное сознание, она влияет на поведение людей, их решения, мотивы и оценки. Особенно опасной данная тенденция становится в условиях трансдисциплинарности научного знания. Тело науки теряет четкие границы там, где развитие исследовательских направлений или применение их результатов входит в сферу интересов общественности, политической власти или бизнеса. Социальное согласие здесь достигается тогда, когда в основу принятия решения закладывается не только научная аргументация, но и аргументы общегражданской дискуссии, основанные на этических, политических или экономических до-

водах. В принятии решений, имеющих значение для развития научного знания, все чаще включаются гражданские эксперты, например, блогеры. В экономической и политической плоскостях их решения чаще носят поощрительный характер, поскольку они связаны с предоставлением льготных условий для тех направлений исследований, которые определены гражданским обществом и/или государством как «приоритетные». В этической плоскости они могут принимать характер прямого запрета, блокируя исследования, оцениваемые как аморальные (например, евгенику или клонирование человека).

Четкие контуры функций гражданской экспертизы в трансдисциплинарной науке пока не определены. Очевидно одно: область ее вмешательства в дела науки становится все шире, что делает актуальным вопрос о компетентности гражданских экспертов. В рамках данной статьи будут рассмотрены современные коммуникационные условия, в которых формируется гражданская экспертиза как выражение общественного мнения, и их благоприятность для тиражирования научных знаний.

Отметим, что научные знания не индифферентны к каналам коммуникации. Их сложность, включающая использование специализированного языка, требует объемных письменных текстов-сообщений, нуждающихся в длительном восприятии. Оценка качества сложных текстов сама по себе предполагает наличие специализированных знаний разного уровня – как содержательных, так и формальных. Если первые позволяют сделать собственный вывод из содержания текста, то вторые позволяют судить об источнике сообщения. И те, и другие дефицитны на массовом уровне восприятия и характерны для представителей научного сообщества. Более того, одним из результатов современного методологического плюрализма в науке является толерантность к разнообразию различных точек зрения на возможные решения тех или иных научных проблем. Внутри науки эта ситуация особой сложности не представляет, так как результаты разных подходов сопо-

ставляются и интегрируются с точки зрения их эвристического потенциала. Но за ее пределами у обывателя складывается ложное впечатление, что в науке также существует демократическая свобода выражения мнений, каждое из которых равноценно и в своем праве на существование, и в своей конечной продуктивности. Однако мнение обладает качественно иной природой, нежели научное знание: последнее отличается от любого другого тем, что было получено в результате применения научного метода, обеспечивающего конечному продукту такие свойства, как объективность, достоверность, воспроизводимость, непротиворечивость, эмпирическую проверяемость, логическую или эмпирическую обоснованность. Каждый день обыватель сталкивается с разнообразными знаниями, которые вовсе не обязательно являются научными.

В классической советской теории познания знание как результат процесса познания было принято разделять на следующие виды: донаучное, житейское, художественное и научное [1, с. 192]. Критерием этого разделения выступает метод познания. Постепенное формирование типов познания, представляющих собой автономные когнитивно-культурные системы, выполняющие специфические функции (повседневный опыт, магия, миф, искусство, религия, право, философия, мораль, идеология, наука [2, с. 872]), привело к появлению предметной классификации знания, подразделения его на повседневное, магическое, мифологическое, эстетическое, религиозное, юридическое, философское, этическое, идеологическое, научное. Наибольшее внимание исследователей традиционно привлекает проблема демаркации научного знания, однако это не означает бесконфликтности сосуществования остальных типов познания и их результатов. Процесс познания сложно вычленишь из процессов коммуникации и деятельности, которые он обслуживает. Нередко он является вспомогательным по отношению к осознаваемой и конструируемой телеологии, что обуславливает конечный результат и затемняет противоречия в разнотипной методологии познания. Но там, где важна чистота методологии познания, эти противоречия становятся очевидными (проблема веры и разума в средневековой теологии, конфликт долга и страсти в искусстве классицизма и т.п.). Сложность взаимопереходов и взаимной блокировки различных типов знания раскрывается в диалектике субъективного и объективного, индивидуального и коллективного, локального и универсального опытов.

Разнообразие видов знания было усложнено научно-технической и промышленными револю-

циями, когда изменилась роль научного знания благодаря его переходу в знание технологическое, трактуемое как прикладное естествознание без собственных познавательных задач, средств и методов: «Целью ученого является создание проверенных знаний. Целью инженера или технолога является преобразование знаний в методы или продукты, в которых у людей есть потребность. Ученые действуют в сфере знаний. Инженеры и технологи действуют в сфере практики» [3, с. 8]. Движение от научного к технологическому знанию стало ключевым для поддержания и развития цивилизации и привело к массовизации основ научного знания благодаря повсеместному включению его трансляции в институт образования.

Научное знание сегодня является формальным, т.е. оно имеет письменную (текстовую) форму, отличающуюся специфическим стилем и жанрами, а также специализированной сетью периодики и книгоиздания. Формальность знания зависит от институционального характера науки, структурные связи внутри которого формализованы, а неформальные сети отношений наслаиваются на структуры вертикальных иерархий. Неслучайно итальянские исследователи Дж. Доци и М. Лабини подчеркивают, что «в большой своей части знание – это не “информация”, а организация, люди и “кластеры”. Академическое исследование – это корпоративная практика, осуществляемая в рамках публичного финансирования, на страницах престижных, т.е. общественно признанных научных журналов» [4, р. 1452]. Кластер научной корпоративной практики охватывает как формальные иерархии научно-исследовательских организаций, так и неформальные исследовательские сети – коллаборации и тематические группы исследователей, знающих друг друга, в первую очередь, «по трудам».

Формальность научного знания не отменяет роли неформального общения в производстве научного знания, опорой которого являются научные мероприятия различного формата и уровня. Важно отметить, что иерархии и сети в любых социальных институтах никогда не бытуют автономно: «иерархия возникает как бы “поверх” сети, надстраивая ее, но никоим образом не деструктурируя – иными словами, любая иерархия имеет как минимум два механизма принятия решений, формальный, предопределенный правилами иерархии, и неформальный, сетевой, базирующийся на прежде выстроенных сетевых связях» [5, с. 260]. Ценностные установки этих механизмов различны: иерархия ориентирована на процедуру, а сеть – на результат. Наука в этом отношении не исключение, она развивается там,

где есть живое общение, творческий и продуктивный обмен идеями между специалистами. Но окончательная формализация зарождающегося в неформальных сетях формального знания нуждается в процедурах верификации, осуществляемых вертикальными институциональными структурами.

Что же противостоит формальному знанию науки? В классических схемах теории познания донаучное, художественное и житейское знание не верифицировано специализированными иерархиями, субъективно и, в первом приближении, неформально. Однако автономные миры типов познания легко формируют каноны, типизируя производство соответствующих знаний именно благодаря появлению специализированных иерархий – корпораций юристов, служащих культуры, правящих политических партий и т. п. В разных обществах эти корпорации имеют различное социальное значение – римские юристы периода Античности, западноевропейские богословы, советская партийная номенклатура формировали различные механизмы влияния и формы контроля на производство социального знания через производства своего собственного «эпистемологического продукта». Иначе говоря, специализация типа познания всегда влечет за собой производство формального знания, и только в мире повседневности, на уровне индивидов знание становится неформальным. В современном обществе формальное научное знание играет доминирующую роль, что не мешает ему подвергаться атакам в зонах притязаний других корпораций (идеологических или религиозных, например). Тем не менее пока государства нуждаются в развитой науке для обеспечения собственной безопасности, эти атаки не являются критическими.

Замкнутость неформального знания в индивидуальных жизненных мирах остается правилом до тех пор, пока коммуникационные революции не обеспечивают индивидов инструментами формирования собственных сетей.

Сети, которые индивид развивает на протяжении жизни, формируются из разных по качеству социальных связей, в терминологии М. Грановеттера, сильных и слабых. Социальные связи, существующие длительное время, требующие эмоциональной близости, доверия или обмена, являются «сильными» [6]. Именно в рамках сильных связей в основном происходят первичная социализация и межпоколенческая коммуникация. Социальные связи, основанные на непрямых, случайных контактах, являются «слабыми». Информация о внешнем для приватного круга мире с трудом проходит через каналы сильных связей, перегруженные функ-

циональной информацией, в то время как через каналы слабых связей (ситуативное общение с малознакомыми людьми) она проходит легко. Поэтому слабые связи открывают лифты социальной мобильности: чем больше у человека непрямых контактов, тем шире его сведения о социальных возможностях. Проблема в том, что сильные связи индивиды активно строят, выбирая партнеров по общению, браку, бизнесу и т.п., но слабые связи чаще всего заданы биографической логикой смены мест проживания, в которых формируются возрастные группы: индивиды не выбирают одноклассников, коллег и уж тем более не выбирают знакомых знакомых.

Повседневное знание транслируется как по сильным, так и по слабым связям. Знание в сильных сетях, очевидно, имеет первостепенное значение для формирования индивидуальной картины мира и стереотипов, поскольку оно подпитывается авторитетом и закрепляется повторением. Но знания из слабых сетей, несмотря на свою случайность и однократность, также могут оказывать радикальное влияние на мировоззрение, принося инновационную информацию. Важно, что структура слабых и сильных сетей жестко ограничена пространственно-временными рамками, а также спецификой социального пространства (плотностью населения, типом поселения, процедурами этикета), которые фактически замыкают неформальное знание локальными рамками социальной группы.

Ситуация меняется коренным образом с распространением компьютерных сетей. Их развитие обеспечивает пользователей все более совершенными инструментами управления коммуникацией, с помощью которых они могут развивать свои собственные сети любой конфигурации, обладая минимальными знаниями о контрагентах. Современные информационно-коммуникационные технологии предоставляют пользователям небывалую свободу общения и сотрудничества, но развиваемые на их основе коммуникативные пространства не гомогенны. С одной стороны, они не похожи на конгломераты дискретных жизненных миров. С другой стороны, далеки от нисходящих коммуникационных потоков институциональных иерархий, подпитывающих корпоративные сети. Они меняют способы рекрутирования и численность лидеров общественного мнения. Последние перестают быть представителями корпоративных институтов, обладающими уникальными знаниями, и становятся гражданскими экспертами, обладающими высокой коммуникативной компетентностью и производящими мнения. Так, блогосфера сегодня в России основана на

культуре углубленного комментария на любые темы. Наиболее популярные блогеры – это сформировавшиеся люди с хорошим образованием, нередко – филологическим [7]. Их информированность и осведомленность практически не отличаются от той, которой обладают их читатели (в отличие от профессиональных журналистов). Над читателем блогера возвышают больший коммуникативно-информационный опыт, навыки работы с потоками информации, субъективно окрашенная подача материала и текстового оформления мыслей. Блоги интересны как площадка самовыражения с позиций читателя только тогда, когда таковое эстетически состоятельно, автор владеет литературным языком (включая субкультурные жаргоны) и способен развлекать и привлекать читателя, открывать новые горизонты предсказуемого ракурса интерпретации («я бы и сам пришел к таким выводам, если бы у меня было время на освоение материала»). Блогер предлагает свою субъективную оценку, и если форма ее выражения вызывает эстетический, эмоционально окрашенный, отклик у реципиента, то реципиент примет и ее содержательную систему аргументации. Гражданский эксперт в социальных сетях эксплуатирует иллюзию сильной связи, конструируя широкую слабую сеть.

Рациональное, объективное, эмоционально нейтральное, сложное для восприятия научное знание может быть включено в формат блогосферы только при особом популяризаторском таланте блогера. Требуется серьезная жанровая работа для адаптации научного знания к продвижению в условиях социальных сетей. Лженаука, избилующая красочными примерами, риторическими приемами, «историями из жизни», пренебрегающая информированием ради убеждения, чувствует себя комфортнее в среде сетевого неформального знания и быстро в ней распространяется.

Блогосфера как «сеть сетей» аккумулирует усилия массы безвестных блогеров, почти мгновенно откликающихся на злободневные события, тиражируя информацию о них, наращивая ее новостную плотность и укрепляя общественный интерес, т.е. наделяя событие резонансом. Известные блогеры (гражданские эксперты) дают оценку сложившимся резонансным событиям, формируя тем самым повестку дня и воздействуя на общественное мнение, т.е. фактически мнение в блогосфере производит горстка избранных экспертов, хотя эта совокупность всегда остается открытой и любой рядовой блогер, удачно на старте осветивший резонансное событие, может оказаться в топе. Высокая работоспособность, привлекательность авторского стиля, актуаль-

ность тематики – все это способствует быстрому вхождению рядового блогера в топовый круг, осуществляемому весьма быстрыми (по меркам традиционной социальной мобильности) темпами. Важно, что приобретаемый авторитет конвертируем для внешних медиаСред – СМИ и других социальных сетей, в первую очередь Фейсбука и Твиттера.

Принципы формирования неформальной гражданской экспертизы, имеющиеся в блогосфере, работают и во всех остальных сетях. Однако важным отличием сетей «последнего поколения» является резкое снижение объемов печатного текста в сообщениях. Постепенная, но неуклонная эволюция интернет-сообщений от электронного гипертекста через медиатекст, интегрирующий вокруг печатного сообщения видео, аудио и графические элементы к видеотрансляции, приводит к тому, что среда социальных сетей становится все менее пригодной для трансляции научного знания. Приходится констатировать, что коммуникационные условия трансляции сетевого неформального знания для лженауки благоприятны и компетентность гражданских экспертов формируется в идейной среде, толерантной к лженауке. Сложившееся положение дел не изменится до тех пор, пока для корпоративной практики науки не станет нормой рутинная сетевая активность.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-33-01056a2 «Мифы о прошлом в современной медиаСреде: практики конструирования, механизмы воздействия, перспективы использования»).

Список литературы

1. Спиркин А. Г. Знание // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 192.
2. Касавин И. Т. Познание // Философия : энцикл. словарь / под ред. А. А. Ивина. М., 2004. С. 872–873.
3. Питт Дж. Научные и технологические знания : что между ними общего и в чем различия // Школа и производство. 2002. № 3. С. 7–9.
4. Dosi G., Labini M. The relationships between science, technologies and their industrial exploitation: an illustration through the myths and realities of the so-called «european paradox» // Research policy. 2006. Vol. 35, № 10, pp. 1450–1464.
5. Коктыш К. Е. Когнитивные интеграторы : опыт моделирования социальной динамики // Вестн. МГИМО-Университета. 2010. № 4. С. 255–260.
6. Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10, № 4. С. 31–50.
7. Поль Д. В. ИКТ и блогосфера. Феномен «литературы путешествий» // Вестн. Гуманитар. ин-та. 2015. № 1 (15). С. 38–41.

Образец для цитирования:

Тихонова С. В. Лженаука в современной коммуникационной системе неформального знания // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 416–420. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-416-420.

Pseudoscience in Modern Communication System of Informal Knowledge

Sofiya V. Tikhonova

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: segedasv@yandex.ru

The article deals with modern communication conditions of informal knowledge dissemination. According to the author, the inclusion of civilian expertise in transdisciplinary practices of science leads to the fact that the fate of the science depends on the competence quality of the civilian experts, for example, bloggers. It appears on the basis of a civil debate unfolding in social networks. The core of the civil experts competence is the skill of communication flows orientation and using of linguistic means for self-expression. Subjectivity is a key characteristic of the network content and at the same time a management tool of aesthetic, the emotive, recipient responses. Considering formal scientific knowledge as a type of knowledge, the author shows that his connection with the form of expression (written/text form, specific style and genres, specialized network of periodicals and book publishing) makes it difficult to spread in the social network environment and reduces its competitiveness compared to pseudoscience. Pseudoscience actively appeals to the emotions, ignoring information for the sake of persuasion, therefore, quickly adapted to the environment informal networking knowledge and rapidly it spreads. As result the civil-expert and pseudo-scientific discourse both draw in social networks. It reduces civilian expert competence.

Key words: informal knowledge, scientific knowledge, pseudoscience, science, social networks, transdisciplinarity, civil expertise.

Acknowledgements: *The work was supported by the Russian Foundation for Basic Researches (project no. 17-33-01056 a2 "Myths about the past in a modern media environment: the practices of construction, mechanisms of action and prospects for use").*

Cite this article as:

Tikhonova S. V. Pseudoscience in Modern Communication System of Informal Knowledge. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 416–420. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-416-420.

References

1. Spirkin A. G. Znanie [The knowledge]. *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar* [The Encyclopedic dictionary of philosophy]. Moscow, 1983, p. 192 (in Russian).
2. Kasavin I. T. Poznanie [The cognition]. *Filosofiya: entsiklopedicheskiy slovar* [Philosophy: Encyclopedic dictionary]. Ed. by A. A. Ivin. Moscow, 2004, pp. 872–873 (in Russian).
3. Pitt J. Nauchnye i tehnologicheskie znaniya: chto mezhdumimi obshhego i v chem razlichiya [Scientific and technological knowledge: what they have in common and what are differences]. *Shkola i proizvodstvo* [School and industry], 2002, no. 3, pp. 7–9 (in Russian).
4. Dosi G., Labini M. The relationships between science, technologies and their industrial exploitation: an illustration through the myths and realities of the so-called «european paradox». *Research policy*, 2006, vol. 35, no. 10, pp. 1450–1464.
5. Koktysh K. E. Kognitivnye integratory: opyt modelirovaniya socialnoy dinamiki [Cognitive integration: the experience of modeling social dynamics]. *Vestn. MGIMO-Universiteta* [Vestnik MGIMO-University], 2010, no. 4, pp. 255–260 (in Russian).
6. Granovetter M. S. Sila slabykh svyazey [The strength of weak ties: A network theory revisited]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology], 2009, vol. 10, no. 4, pp. 31–50 (in Russian).
7. Pol D. V. IKT i blogosfera. Fenomen «literaturny putestviy» [The ICT and the blogosphere. The phenomenon of «literature of travel»]. *Vestn. Gumanitar. in-ta* [Vestnik Humanities Institute], 2015, no. 1 (15), pp. 38–41 (in Russian).